

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
М. ГОРЬКИМ

7

ИЮЛЬ · 1940

С

„ДУЭЛЬ“ А. П. ЧЕХОВА

А. КВЯТКОВСКИЙ

У каждого великого мастера слова своя манера письма, свой рисунок и свои приемы в описании характеров, свои методы композиции произведений и т. д. Все это укладывается в понятие стиля. Если внимательно изучить стилевые особенности определённого писателя и его жизнь, то совпадение стилевого облика произведений с духовным обликом писателя оказывается закономерным. Стиль неотделим от писателя, как почерк от грамотного человека.

Что характерно для стиля Чехова? Это прекрасно характеризовал М. Горький, который в письме к А. Лаптеву в 1912 г. писал, что Л. Толстой «любил Антона Павловича и как человека милой любовью отца, любил его и как литератора, часто сравнивая с Мопассаном, восхищаясь изящной правдой приемов его письма и ставя в пример молодым литераторам такие превосходные и глубокие вещи Чехова, каковы: «Тиф», «Душенька», «Припадок», «Злоумышленник», «Дуэль» и еще многие».

Изящная правда произведений Чехова является отображением его личности. Обаятельный облик Чехова, может быть, нигде так ярко не сказался, как в его мудрых словах из записной книжки, звучащих, как заповедь: «Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически».

Среди многих прекрасных произведений Чехова своеобразием своего построения, удивительной по мастерству лепкой характеров и совершенством языка выделяется его повесть «Дуэль». Это — вещь поразительной художественной силы, тончайшего мастерства и кристального языка. «Дуэль» можно читать и перечитывать десятки раз и всегда найдешь незамеченную раньше какую-либо пленительную чеховскую деталь. Эта повесть требует медленного чтения, граничащего с изучением. И тогда она встает перед читателем во всем своем совершенстве. Подобных вещей нет ни у Мопассана, ни у Бунина, величайших мастеров-новеллистов.

Напомним вкратце содержание «Дуэли». Сюжет ее не сложен и не замысловат.

В маленьком городке на абхазском берегу Черного моря живет

старый холостяк, военный доктор Самойленко. Он дружит с приехавшим из Петербурга на жительство молодым чиновником Лаевским, человеком крайне нерешительным, позером, истериком и картежником. С ним приехала и его сожительница Надежда Федоровна, сбегавшая от своего старого нелюбимого мужа. Поступок Надежды Федоровны шокирует обывателей городка. Лаевскому надоела его сожительница, и он мечтает о том, чтобы уехать обратно в Петербург. Будучи безалаберным человеком, он наделал денежных долгов, ему не на что уехать с Кавказа. В этом же городке живет приехавший на лето из столицы молодой зоолог фон-Корен, прямой, резкий и энергичный человек, сразу возненавидевший расхлябанного Лаевского. Корен столовался у Самойленко, где познакомился и сдружился с молодым смешливым и простецки-наивным дьяконом Победовым, «командированным» на Кавказ из провинции. Однажды во время обеда у Самойленко к нему зашел Лаевский, чтобы узнать, достал ли доктор для него деньги, пужные ему для отъезда в Петербург. Между Кореном и Лаевским произошла ссора. Лаевский угрожал Корену дуэлью, Корен принял вызов. Дуэль состоялась в семи километрах от города, на берегу реки, в том месте, где недавно все были на пикнике. Лаевский стрелял первым, он выстрелил в воздух. Корен метил своему противнику в лоб. Но наблюдавший на другом берегу реки, в кукурузе, дьякон закричал от ужаса, и у Корена дрогнула рука; он промахнулся, слегка контузив Лаевского. Преддуэльные часы и сама дуэль потрясли Лаевского. Он стал другим человеком, рьяно принялся за работу. Эпилóg повести такой: через три недели Корен уезжает в Петербург. Его провожают Самойленко, Лаевский, с которым примирился Корен, и дьякон. «Никто не знает настоящей правды», — сказал на прощанье Корен.

Таково вкратце содержание «Дуэли».

Персонажи в повести размещены Чеховым с удивительной обдуманностью. Как типы, они расположены парами, но действуют вразброс, как будто они перетасованы, подчеркивая, с одной стороны, какое-то сходство между собой, а с другой, — разницу. Тема дуэли, соперничества проходит по всем парам. Повесть Чехова можно было бы назвать не «Дуэль», а «Соперники».

Главные персонажи повести такие (отмечаю только некоторые, наиболее броские черты характеров):

Доктор Самойленко и дьякон. Общее у них — доброта, незлобивость, жизнерадостность. Разница: Самойленко самоотвержен, открыт, прост; дьякон осторожен, себе на уме и в то же время инфантильно-наивен.

Корен и Лаевский. Общее у них — позерство, умничание, любовь к рассуждениям. Разница: Корен — волевой, прямолинейный, решительный, целеустремленный, консервативный ригорист; Лаевский — безвольный, лживый, нерешительный, неуверенный, циник.

Надежда Федоровна и Мария Константиновна

(жена Битюгова, чиновника с прилизанными висками). Общее у них — обывательщина, отсутствие серьезных интересов в жизни, они только жены своих мужей. Разница: Надежда Федоровна — жизнерадостная, мечтательная, неустойчивая в поступках, распушенная; Мария Константиновна — наигранно-восторженная, хозяйственно-положительная, мещанка, вся жизнь ее — в семье.

Как изображает Чехов персонажей «Дуэли»?

Вот военный доктор Самойленко. Он — душа повести, в городке он — душа общества. В самом начале повести Чехов дает такой портрет его:

«С большой стриженной головой, без шеи, красный, носастый, с мохнатыми черными бровями и седыми бакенами, толстый, обрюзглый, да еще вдобавок с хриплым армейским басом, этот Самойленко на всякого вновь приехавшего производил неприятное впечатление бурбона и хрипуна, но проходило два-три дня после первого знакомства, и лицо его начинало казаться необыкновенно добрым, милым и даже красивым. Несмотря на свою неуклюжесть и грубоватый тон, это был человек смирный, безгранично добрый, благодушный и обязательный. Со всеми в городе он был на ты, всем давал деньги в займы, всех лечил, сватал, мирил, устраивал пикники, на которых жарил шашлык и варил очень вкусную уху из кефалей; всегда он за кого-нибудь хлопотал и просил и всегда чему-нибудь радовался. По общему мнению он был безгрешен, и водились за ним только две слабости: во-первых, он стыдился своей доброты и старался маскировать ее суровым взглядом и напускной грубостью и, во-вторых, он любил, чтобы фельдшера и солдаты называли его вашим превосходительством».

Это — блестящий портрет человека, сделанный с огромным мастерством, но еще не сам человек. Чехов очень редко прибегает к такому портретному письму. Он изображает живых людей в действии, в деталях. И действительно, через несколько строк портрет Самойленко оживает; он сошел со страницы повести и направился в приморский городок. И мы видим Самойленко во всей его обаятельной простоте и человечности, со всеми его слабостями, за которые любил его еще больше.

И, собственно, вся повесть является художественной реализацией этих портретных строк, как задания, развертыванием самой жизни, заключенной в теме. Чехов начинает, по выражению Горького, «изображать словами» то, что вначале было только «рассказано словами».

Во время купанья в море Лаевский спрашивает у Самойленко, как поступить человеку, когда он разлюбил женщину.

Самойленко не задумывается и отвечает со всей прямоотой своей здоровой натуры: «Очень просто. Иди, матушка, на все четыре стороны — и весь разговор». И дальше: «Конечно, мудрено жить с женщиной, если не любишь. Но надо, Ваня, рассуждать

по-человечески. Доведись до меня, то я бы и виду ей не показал, что разлюбил, а жил бы с ней до самой смерти». Но, устыдившись своих слов, Самойленко нарочно грубо прибавил: «А по мне хоть бы и вовсе баб не было. Ну их к лешему».

Развивая эту черту скрываемой доброты и человечности у Самойленко, Чехов далее сообщает доктору такие слова:

«— Избалованы вы очень, господа! — вздохнул Самойленко. — Послала тебе судьба женщину молодую, красивую, образованную — и ты отказываешься, а мне бы дал бог хоть кри-вобокую старушку, только ласковую и добрую, и как бы я был доволен! Жил бы я с ней на своем винограднике и...»

Самойленко спохватился и сказал:

— И пускай бы она там, старая ведьма, самовар ставила».

Морально чистый, простой человек, Самойленко конфузится всякий раз, как Лаевский выбалтывает какие-нибудь интимные подробности своей жизни с Надеждой Федоровной.

За восемнадцать лет жизни на Кавказе Самойленко сильно отстал от науки, от культуры. Он, наверно, был не очень знающим врачом, хотя и очень внимательным к пациентам. Когда Лаевский спрашивает у Самойленко, что такое размягчение мозга (муж Надежды Федоровны умер от этой болезни), доктор отвечает так, что всякому ясно, что Самойленко — врач неважный: «Это, как бы тебе объяснить... такая болезнь, когда мозги становятся мягче... как бы разжижаются». — «Излечимо?» — «Да, если болезнь не запущена. Холодные души, мушкетеры... Ну, внутрь чего-нибудь».

Добрый Самойленко, как будто носящий в себе завет доктора-гуманиста Гааза — «спешите делать добро», показан Чеховым с необычайной даже для Чехова тщательностью и нескрываемой любовью.

Вот Чехов показывает, как Самойленко наслаждается в павильоне вкусным питьем после купанья. Чехов слегка иронизирует над Самойленко:

«Каждое утро ему подавали на подносе чашку кофе, высокий граненый стакан с водой и со льдом и рюмку коньяку; он сначала выпивал коньяк, потом горячий кофе, потом воду со льдом, и это, должно быть, было очень вкусно, потому что после питья глаза у него становились масляными, он обеими руками разглаживал бакены и говорил, глядя на море:

— Удивительно великолепный вид!»

Самойленко не говорит «удивительно вкусно» или что-нибудь в этом роде, а передает свое вкусовое ощущение выражением зрительного ощущения. Чехов ничего не говорит о красоте моря, подчеркивая тем самым для внимательного читателя, что весь смысл восклицания доктора относится совсем не к морю, а к вкусному питью после хорошего купанья. Любопытная деталь: перечисление Чеховым поданных доктору «питий» идет в таком по-

рядке — кофе, вода со льдом и коньяк, но Самойленко пьет все это в другом, гастрономическом порядке — коньяк, горячий кофе и, наконец, вода со льдом. И здесь, в этой мелочи, Чехов тонкими штрихами дал Самойленко дополнительную характеристику как человеку со своими установившимися привычками, со своими вкусами.

Вот Самойленко готовит обед столующимся у него Корену и дьякону. Они голодны, стучат нетерпеливо об пол, требуют обеда. Наконец все готово.

«В столовой встречал их багровый, распаренный в кухонной духоте и сердитый Самойленко; он злобно глядел на них и с выражением ужаса на лице поднимал крышку с супника и наливал обоим по тарелке, и только когда убеждался, что они едят с аппетитом и что кушанье им нравится, легко вздыхал и садился в свое глубокое кресло. Лицо его становилось томным, масляным... Он неспеша наливал себе рюмку водки и говорил:

— За здоровье молодого поколения!»

В нескольких строчках Чехов лаконично показал последовательность поведения Самойленко — хозяина и повара. Сначала он сердит, потому что обед запоздал и голодные нахлебники нервничают; он глядит «злобно» на нетерпеливых Корена и дьякона; на лице его «ужас» от неуверенности, что суп понравится гостям; но суп получился вкусным, едят его хорошо, и Самойленко облегченно вздыхает и садится сам обедать. Словом, целая градация различных положений, богатейшая нюансировка мелких, чуть ли не мелочных деталей, которые рисуют перед читателем образ живого сердечного человека, заботящегося о гостях.

Стиль Чехова в «Дуэли» — в этих именно «мелочах». Но разве не такова жизнь простых, маленьких людей в будничной обстановке приморского городка? Да и в других своих вещах Чехов — великий мастер выразительных мелочей. Таким он был и в жизни и в искусстве. Это имел в виду и М. Горький, когда в своих воспоминаниях о Чехове говорил: «О Чехове можно писать много, но необходимо о нем писать мелко и четко».

«Мелко и четко» — это стиль самого Чехова, стиль тонкого реалиста, мастера «изящной правды приемов письма».

Когда Корен в повести ругает Лаевского, Самойленко старается заговорить о чем-либо другом, чтобы увести внимание прямолинейного зоолога в сторону, и всячески защищает Лаевского. Характерны реплики Самойленко во время обеда:

«— В крошке, кажется, чего-то недостает... — сказал Самойленко, желая переменить разговор».

«— Называть человека мерзавцем! — пробормотал Самойленко брезгливо морщась. — Это до такой степени нехорошо, что и выразить тебе не могу!»

«— Замолчи! — вспыхнул Самойленко. — Я не позволю, что-

бы в моем присутствии говорили дурно о благороднейшем человеке!»

«— А ты почему знаешь? — прорычал Самойленко, со злобой глядя на зоолога (Корен сказал перед этим, что Лаевский убежит в Петербург, бросив на Кавказе Надежду Федоровну. — А. К.). — Ешь-ка лучше».

Чрезвычайно интересна следующая, великолепная по мастерству сценка. Корен, нападая на Лаевского, говорит, что он сладострастник, что все его помыслы сведены к одному.

«— Идешь с ним по улице и встречаешь, например, осла... «Скажите, пожалуйста», — спрашивает, — что произойдет, если случится ослицу с верблюдом?» А сны! Он рассказывал вам свои сны? Это великолепно! То ему снится, что его женят на луне, то будто зовут его в полицию и приказывают ему там, чтобы он жил с гитарой...

Дьякон звонко захохотал. Самойленко нахмурился и сердито сморщил лицо, чтобы не засмеяться, но не удержался и захохотал.

— И все врет! — сказал он, вытирая слезы. — Ей-богу, врет!»

Если центральная по типологическому значению в повести и по живописности фигура Самойленко показана Чеховым в мельчайших, часто неожиданных подробностях (вспомним манеру поведения и разговоров Самойленко с Кореном, у которого он брал взаймы деньги для Лаевского), то Лаевский, да и другие персонажи повести «Дуэль», при всем их разнообразии характеров, имеют общую черту: их поступки легко угадать. Самойленко же везде преподносит читателю сюрпризы. Например. Дуэль решена. Два друга Самойленко — Лаевский и Корен — идут стреляться. Казалось бы, что Самойленко, везде и всюду любящий хозяйничать, должен пойти вместе со своими друзьями на место дуэли и там их поморить. И Самойленко добился бы этого. Но он не идет сам: «Нет, боже меня сохрани, я и так замучился. Вместо меня Устимович поедет. Я уже говорил с ним».

Посмотрим бегло (хотя это очень трудно сделать), как описаны у Чехова другие персонажи.

В изображении Лаевского, вялого неврастеника, декадентствующего хлюпика, Чехов применил иные средства выразительности. В авторских ремарках Чехов говорит о нем спокойно, как бы вяло, точно намекая, что Лаевский — рассудочная, пассивная натура. Но зато необычайно жизненно показаны Чеховым такие эпизоды, как, например, истерика Лаевского:

«Что-то подступило у него к горлу. Он потрогал воротничок и кашлянул, но вместо кашля из горла вырвался смех.

— Ха-ха-ха! — захохотал он. — Ха-ха-ха! — «Чем это я?» — подумал он. — Ха-ха-ха!

Он попытался удержать себя, закрыл рукою рот, но смех давил ему грудь и шею, и рука не могла закрыть рта. «Как это, однако, глупо! — думал он, покатываясь со смеху. — Я с ума сошел, что ли?»

Хохот становился все выше и выше и обратился во что-то похожее на лай боловки...», «Он увидел удивленные взгляды, серьезное испуганное лицо Самойленко и взгляд зоолога, полный холодной насмешки и гадливости, и понял, что с ним истерика...», «... вот стакан блеснул перед глазами и стукнул по зубам и вода пролилась на грудь».

Клинические подробности истерики замечательно соединены Чеховым с чисто внешними реалистическими деталями. Лаевский потерял способность владеть собою, но самонаблюдение не оставляло его во все время истерики.

Так же замечательно показано Чеховым нудное приставание Лаевского к Самойленко с просьбой достать ему на отъезд денег и изворотливость Самойленко, берущего деньги у ненавистника Лаевского, Корена, который догадался, кому предназначены деньги. Характерно описание Чеховым поведения Лаевского перед дуэлью. Лаевский не спал всю ночь. Он думал о своей жизни. Почти вся глава, где изображается преддуэльное состояние Лаевского, дана в авторском изложении, как думы Лаевского. Ночью была гроза, сверкала молния.

«— Гроза! — прошептал Лаевский; он чувствовал желание молиться кому-нибудь или чему-нибудь, хотя бы молнии или тучам. — Милая гроза!»

В этом комическом, глупом восклицании, соединенном с авторской репликой («молиться хотя бы молнии или тучам»), заключен весь неврастенический хлюпик Лаевский.

Его гнетет раскаяние за всю свою прошлую жизнь. «Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность — трудом, скуку — радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого он взял ее...», «Спасения надо искать только в себе самом, а если не найдешь, то к чему терять время, надо убить себя, вот все...»

Дуэль переменяла Лаевского. Она раздавила его морально, но вернула ему работоспособность, спокойную, трезвую. Он женился.

Фон-Корен показан Чеховым очень резко. Как и его антипод Лаевский, Корен больше говорит, чем делает. Но за его словами чувствуется сила воли. Говорит он умно, свежо, оригинально. Любопытна незаметная (в быстром, невнимательном чтении), но ярчайшая в художественно-стилевом отношении, острая, по-чеховски, характеристика цели приезда Корена на Кавказ: «...молодой зоолог фон-Корен, приезжавший летом к Черному морю, чтобы изучать эмбриологию медуз». А чем не медуза Лаевский и частично Надежда Федоровна, которых, ненавидя, изучал Корен? Корен обзывал Лаевских «макаками» — тоже социально-

зоологическое определение ненавистных Корену типов. Корен в повести — умный говорун, проповедник, позитивист, красивый позер, мастер психологических характеристик (но только по отношению ненавистных ему людей). О том, как работает Корен, мы ничего в повести не узнаем. Корен собирается в экспедицию на север и уговаривает дьякона ехать с ним. Корен не церемонится ни с чем и ни с кем. Это делец-однодум. Его прогрессивность — кажущаяся. Для экспедиции ему нужен «духовник», — и он предлагает дьякону:

«— Еще лучше, если бы вы убедили ее (т. е. дьякониху), для общей пользы, постричься в монахини; это дало бы вам возможность самому постричься и поехать в экспедицию иеромонахом. Я могу вам устроить это».

«Дьякон молчал», — лаконически сообщает Чехов. На деле же дьякон, вероятно, обалдел от такого предложения.

Отношение Корена к Надежде Федоровне — хамское, как у всех обывателей городка (кроме Самойленко). Он третирует ее как «невенчанную». Какой же это прогрессист?

Лаевский, дающий в повести по-своему великолепную характеристику Корену, говорит о нем: «Он прежде всего деспот, потом зоолог».

Корен и Лаевский — оба говорят друг о друге замечательно. Но очень показательно, что Чехов тут как будто стоит в стороне и наблюдает за ними вместе с читателем. Однако это не совсем так, как мы увидим ниже.

Перед дуэлью Корен философствует с дьяконом. Он не забывает справиться, что полагается по закону за убийство на дуэли. Он во-время уходит спать, потому что завтра придется рано вставать — дуэль.

Дуэль потрясла Корена так же, как и Лаевского. Он стал уступчивее и терпимее. Он даже зашел к Лаевскому попрощаться перед отъездом, чем вызвал восторг у дьякона, сказавшего Корену: «Знайте, что сегодня вы победили величайшего из врагов человеческих — гордость!»

Великолепно показана Чеховым Мария Константиновна. В 10-й главе повести она беседует с Надеждой Федоровной. Эта глава — шедевр диалогической характеристики и по ювелирному мастерству психологического рисунка соперничает с гоголевским диалогом «дамы просто приятной и дамы, приятной во всех отношениях». Недостаток места не позволяет нам привести показательный отрывок из этой беседы. Вот блестящий кусочек:

«— Милая! Милая, что вы говорите! — вскрикнула Мария Константиновна, отступая назад и всплескивая руками. — Вы экстравагантны! Опомнитесь! Угломонитесь!»

За этими строчками видишь восторженный испуг на лице Марии Константиновны, видишь ее жесты, слышишь ее умильный, крикливый голос.

Дьякон дан Чеховым как простодушный, но не без хитрецы че-

ловек. Во всем он ищет смешного. В повести он или разговаривает, или молчит; в действии он мало выразителен (кроме момента на дуэли). Дьякон в повести — подсобный человек. Его крик в кукурузе решил судьбу дуэли и спас Лаевского от смерти, а Корена от тюрьмы.

Очень ярко показан Чеховым пристав Кирилин, субъект отвратительный. Его портрет: «Пристав Кирилин, высокий, видный мужчина, во всякую погоду носивший сверх кителя шинель, свою горделивою осанкой, важной походкой и густым, несколько хриплым голосом напоминал провинциальных полицеймейстеров из молодых. Выражение у него было грустное и сонное, как будто его только что разбудили против его желания».

— Ты что же это, скотина, принес? — спросил он у Кербала, медленно выговаривая каждое слово. — Я приказывал тебе подать кварели, а ты что принес, татарская морда? А? Кого?

— У нас много своего вина, Егор Алексеич, — робко и вежливо заметил Никодим Александрч.

— Что-с? Но я желаю, чтобы и мое вино было. Я участвую в пикнике и, полагаю, имею полное право внести свою долю. По-ла-га-ю! Принеси десять бутылок кварели!

— Для чего так много? — удивился Никодим Александрч, знавший, что у Кирилина не было денег.

— Двадцать бутылок! Тридцать! — крикнул Кирилин.

— Ничего, пусть, — шепнул Ачмианов Никодиму Александрчу, — я заплачу».

С каким блеском показан в этом отрывке пристав, надутый, пустой, чванливый хвастун и наглец!

Приставания Кирилина к Надежде Федоровне описаны Чеховым в такой же манере. Долго не забудет читатель этого «напезания вполголоса» за спиной шедшей впереди пристава жертвы его сладострастия: «Я игра-ать мной не позво-олю! Не позво-олю!».

Примечательно личное отношение Чехова к персонажам своей повести. Придерживаясь и здесь своей неизменной манеры — не вмешиваться в жизнь героев и оставаться только в роли наблюдателя, не подсказывая читателю своих симпатий и антипатий, Чехов все же иногда отступает от этого авторского канона и чисто почеховски, с едва заметной усмешкой, рассчитанной на внимательного читателя, выражает свое отношение к происходящему. При этом Чехов, как доктор Самойленко, стыдится своей тонкости и всячески, поскольку это можно в искусстве, без ущерба для читателя, скрывает себя, предпочитая говорить не в лоб, а боковым ходом.

Чехов любит Самойленко, любит его. Он пользуется всяким

случаем, чтобы показать его в каком-либо новом, неожиданном для читателя повороте. Упомянув о невинно-комической слабости Самойленко, любившего, «чтобы фельдшера и солдаты называли его вашим превосходительством, хотя был только статским советником», Чехов показывает читателю, как наслаждается Самойленко этим титулом. В первой главе повести Самойленко идет по улице после купанья, отведав вкусных напитков в павильоне, здоровается со знакомыми.

«И он пошел дальше, продолжая улыбаться, но, увидев идущего навстречу военного фельдшера, вдруг нахмурился, остановился и спросил:

— Есть кто-нибудь в лазарете?

— Никого, ваше превосходительство.

— А?

— Никого, ваше превосходительство.

— Хорошо, ступай!..»

Это переспрашивание фельдшера, это «А?», на которое фельдшер должен повторить сладкий для ушей Самойленко титул, дано Чеховым без малейшего подчеркивания. При беглом чтении эта тонкая чеховская деталь может ускользнуть. Однако она настолько действенна в этом эпизоде, остро рисуя невинное тщеславие скромного добряка Самойленко, что только после этого «А?» понятно великолепие дальнейших строк повести, которыми заканчивается глава:

«Величественно покачиваясь (от избытка самодовольства и хорошего самочувствия после купанья и напитков), он направился к лимонадной будке, где за прилавком сидела старая полнотелая еврейка, выдававшая себя за грузинку (параллель: толстому статскому советнику нравится быть «превосходительством», грудастой еврейке — грузинкой), и сказал ей так громко, как будто командовал полком:

— Будьте так любезны, дайте мне содовой воды!»

Этими словами кончается глава. Читателю ясно, что Самойленко совершенно не хотелось пить (он только что выпил стакан ледяной воды и белого столового вина), но его раздражало от внутреннего самодовольства, ему нужна разрядка, поэтому он и попросил воды «так громко, как будто командовал полком». В этой гиперболической ремарке прорвался уже и сам Чехов: он тоже человек, и ему хочется высказать свое отношение к наблюдаемому.

Положительный, казалось бы, тип фон-Корен не совсем симпатичен Чехову. Дважды, как бы вскользь, в авторской ремарке, Чехов выражает свое отношение к Корену. Но и этого достаточно, чтобы первоначальное впечатление читателя о Корене как о большем и «ведущем» человеке ослабло: 1) «Самосозерцание (Корен любил рассматривать себя в зеркале в столовой Самойленко) доставляло ему едва ли не большее удовольствие, чем осмотр фотографий или пистолета в дорогой оправе»; 2) «Фон-Корен, скрестив руки и поставив одну ногу на

камень, стоял на берегу около самой воды и о чем-то думал» (характерно, что Чехов, передавая в авторских ремарках чувства и мысли Лаевского, в душу Корена не заглядывает; но не забывает все же отметить, что удовольствия у Корена довольно убогие: осмотр фотографий и пистолета). Чехов, ненавидевший всякую позу и самолюбование, этими двумя деталями ставит Корена на свое место: Корен — мелочной, самовлюбленный эгоист.

Не любит Чехов, хотя и жалеет, Лаевского. Чехов наделяет его смехотворными эгоцентрическими «изречениями», вроде: «Ах, как прав Толстой, безжалостно прав! И мне было легче от этого. В самом деле, брат, великий писатель! Что ни говори»; или: «Своею нерешительностью я напоминаю Гамлета. Как верно Шекспир подметил! Ах, как верно!» Сказано так, точно Толстой и Шекспир, когда писали свои произведения, то и дело подбегали к Лаевскому и списывали с него нужные психологические черты.

Над дьяконом Чехов благодушно потешается. Никто не называет его по имени (в одном только месте Чехов сам называет его фамилию — Победов). «Философствует» дьякон довольно комично, в его языке не встречается таких блестящих определений, какие встречаются в «речах» Лаевского и Корена. Фраза дьякона «женщина играет существенную роль в жизни каждого человека. Ничего не поделаешь», — комична, это — вроде неизданного афоризма К. Пруткина, и перекликается она с «афоризмами» Лаевского, одобрявшего Толстого и Шекспира. Идя к месту дуэли, дьякон думает о Корене и Лаевском: «Хотя они неверующие, но добрые люди и спасутся. Обязательно спасутся!» Эту мысль дьякон ощущает с такой уверенностью, будто он знает божеские намерения как свои пять пальцев. Здесь — весь дьякон, с его незлобностью и добротой. И, быть может, самое замечательное в характеристике Чеховым дьякона заключается в отношении дьякона к дуэли как комическому эпизоду: идя к речке, к месту дуэли, дьякон предвкушает, как он расскажет потом Корену все комические подробности дуэли и напишет о ней в письме к своему смешливому тестю.

К Надежде Федоровне отношение Чехова неопределенное. Из повести нельзя точно установить — порицает ли он поведение ее или не порицает. Здесь Чехов скорее нейтрален. Она возбуждает у читателя жалость и сочувствие. Надежда Федоровна не имеет фамилии. Уже потом, когда она повенчалась, она стала Лаевской.

С нескрываемым сарказмом относится Чехов к Марии Константиновне, «восторженной и деликатной особе, говорившей протяжно и с пафосом». Прекрасный эпитет — «миндальное» выражение лица (у М. К.) Чехов из скромности приписывает «ее знакомым».

Очень тонко высказал Чехов свою брезгливость к приставу и к доктору Устимовичу. Чехов с умышленным пренебрежением перепутал имя и отчество Кирилина: Битюгов называет его «Егором Алексичем» (глава VI), а Лаевский — Ильей Михайловичем (гла-

ва XIV). Доктор Устимович в повести — без имени и отчества. Он остается в памяти как нелюдимый человек, который ходит, заложив руки назад, с вытянутой вдоль спины тростью. Как лаконически ярко обрисован этот человек! «Дыханье его имело неприятный говяжий запах».

Среди стилистических особенностей «Дуэли» резко обозначается прием, который можно назвать условно «трехстепенностью». Заключается этот прием в следующем: 1) человек хочет что-то сказать (или сделать); 2) оказывается, что сказать (или сделать) по какой-то причине нельзя; 3) тогда человек меняет решение и говорит (или делает) иное, не входившее раньше в расчеты его. В итоге применения такого приема усиливается та неожиданность впечатления, которая и свойственна высокому искусству.

Лапидарно эта схема выражена Чеховым в одном месте «Дуэли» так (речь идет о Лаевском):

«Итти играть в карты было уже поздно, ресторанов в городе не было. Он опять лег и заткнул уши, чтобы не слышать всхлипываний (Надежды Федоровны), и вдруг вспомнил, что можно пойти к Самойленко. Чтобы не проходить мимо Надежды Федоровны, он через окно пробрался в садик, перелез через палисадник и пошел по улице».

Процесс действий Лаевского разбит на три акта: 1) так как играть в карты негде, он лег спать; 2) но он вспомнил, что можно пойти к Самойленко (не для карточной игры); 3) он идет к Самойленко, пробираясь через окно.

Другой пример. Лаевский ночью у Самойленко, который угощает своего усталого друга вином трех сортов.

«— Попробуй все три сорта и скажи откровенно... Мое как будет с кислотцой. А? Не находишь?

— Да, утешил ты меня, Александр Давидыч. Спасибо... Я ожил.

— С кислотцой?

— А чорт его знает, не знаю. Но ты великолепный, чудный человек».

В процессе этого диалога те же три акта: 1) Самойленко гостеприимно угощает вином Лаевского, надеясь втайне, что вино его, Самойленко, лучше двух других вин; 2) Лаевский, отдохнувший душой у Самойленко, благодарит его; 3) оказывается, благодарность была не за вино, а за хорошее отношение Самойленко, и гостеприимный доктор так и не узнал от своего приятеля, какое вино лучше.

Интересна и поучительна наблюдательность Чехова, его манера видеть по-своему вещи, давно всем знакомые, но поставленные в положение необыкновенной свежести. Приведем несколько примеров.

Как, например, описывали писатели летнее знойное безветрие?

Редко кто из писателей до Чехова не говорил о тишине словами — «ни ветерка, ни звука» или что-нибудь в этом роде. В «Дуэли» мы встречаемся с деталью чисто чеховского изящества и его артистической наблюдательности: «Знойный воздух застыл, был неподвижен, и длинная паутина, свесившаяся с каштана до земли, слабо повисла и не шевелилась». Чехов до конца предусмотрел все условия, при которых паутина может быть показателем абсолютного безветрия: она прежде всего длинная, свесилась до земли, повисла она слабо и, несмотря на это, даже не шевелилась. Это — фраза высокой ювелирной отделки, соответствующей тонкому наблюдению.

После купанья в море Надежда Федоровна шла по улице и разговаривала с Марией Константиновной, «о близывая свои соленые от купанья губы».

Самойленко и другие едут на пикник, они проезжают ущельем: «Каменная гора, около которой ехали, была сколочена природой из громадных камней, давивших друг на друга с такой страшной силой, что при взгляде на них Самойленко всякий раз невольно кряхтел».

Описание внешнего вида Надежды Федоровны: она была «в большой соломенной шляпе, широкие поля которой сильно были загнуты к ушам, так что лицо глядело как будто из коробочки, она казалась себе очень миленькой».

Чехов «подарил» Фоя-Корену замечательное выражение об искусстве. Когда Лаевский небрежно заметил, что «впечатление лучше всякого описания», и что, описывая природу, «писатели выбывают в безобразном, неузнаваемом виде», Корен холодно сказал ему: «Будто бы?... А Ромео и Джульета? А, например, «Украинская ночь» Пушкина? Природа должна притти и в ножки поклониться».

Удивительным образом Чехов умел подмечать комические стороны людей с претензиями. Когда Надежда Федоровна, адресуя свое замечание к Корену, сказала, что она не понимает, «как это можно серьезно заниматься букашками и козявками, когда страдает народ», Лаевский «философски» заметил: «Дело не в козявках, а в выводах». Это звучит, как пословица, как комическая поговорка, построенная на алогизме.

«— И все удивлялись, что я принимаю вас, извините, как порядочную, намекали мне... ну, конечно, сплетни, гипотезы». Так говорила Мария Константиновна Надежде Федоровне, не понимая комизма и бестактности своих выражений.

А разве не чувствуется милая чеховская усмешка, когда он говорит: «В стороне от дороги стоял духан татарина Кербалая с русским флагом на крыше и с вывеской, написанной мелом: «П р и я т н ы й д у х а н!»

Язык Чехова, всегда ясный и свежий, достигает в «Дуэли» предельной чистоты и прозрачности. В повести нет ни одной фразы от трафарета, от ходячих выражений. Язык персонажей индивиду-

ализирован и совпадает с их обликом. Вся повесть светится, как кристалл, переливающийся чудесной игрой остроумных авторских ремарок и тончайших наблюдений. Скупость языка Чехова соединена с точностью выражений. Повесть «Дуэль» воспринимается как поэма великого мастера.

Чехов как писатель, особенно последнего, зрелого периода, очень трудный писатель, как и всякий великий писатель. Его рассказы нужно читать и перечитывать. Чехов требует к себе такой же внимательности и наблюдательности читателя, с какой он сам наблюдал жизнь. Легкость его стиля — кажущаяся. Уметь читать — это тоже искусство, равное уменью писать. И всякий талантливый писатель прежде всего — талантливый читатель. Таким великим читателем был великий писатель Максим Горький.